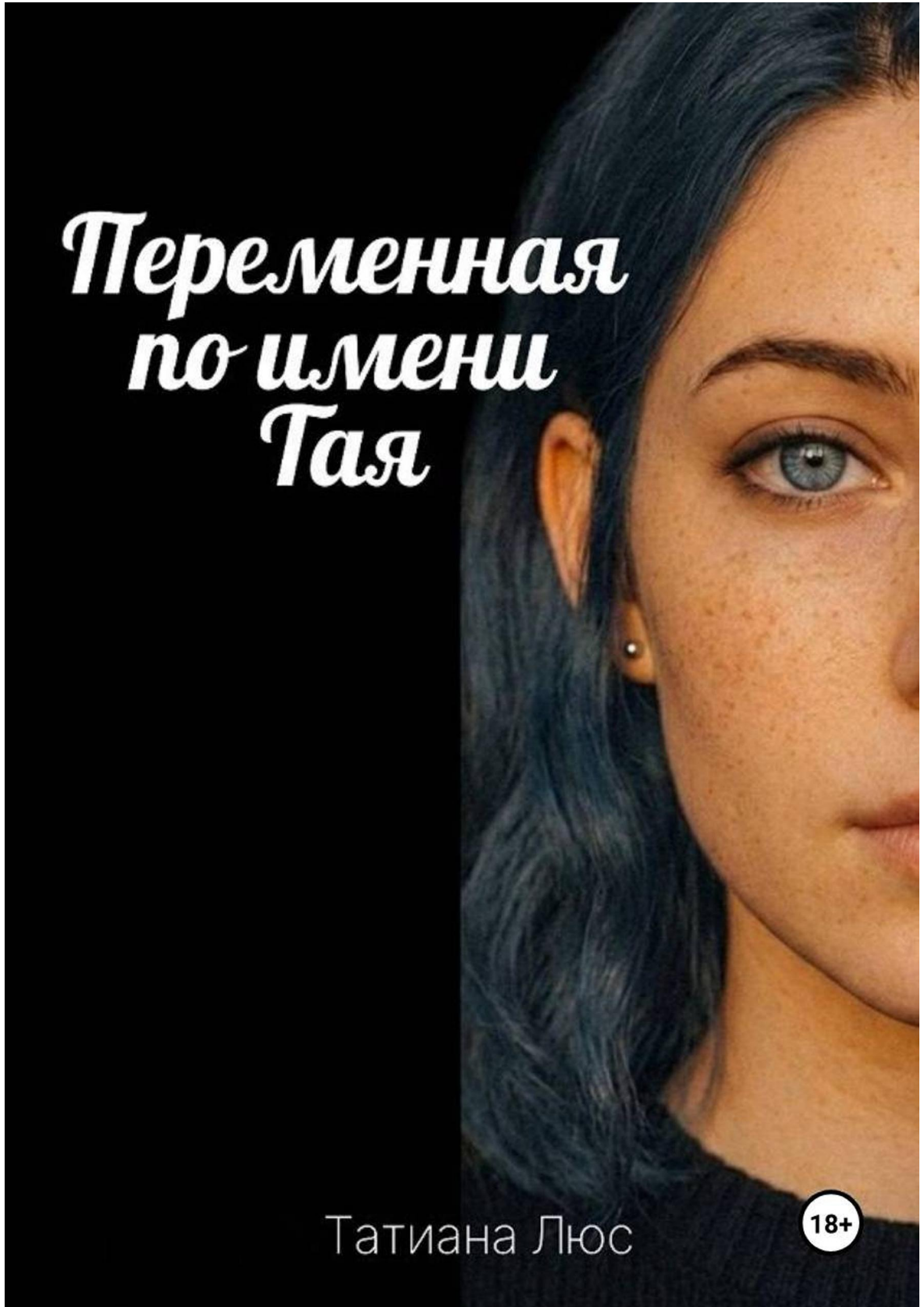

A close-up portrait of a young woman with long, wavy blue hair and light blue eyes. She has a few freckles on her face and is wearing a small gold hoop earring. The background is black.

Переменная по имени Тая

Татиана Люс

18+

Татьяна Люс

Переменная по имени Тая

«Автор»

2026

Люс Т.

Переменная по имени Тая / Т. Люс — «Автор», 2026

Алексей Корнев пятнадцать лет строил империю на простой истине: всё можно просчитать. Люди предсказуемы. Чувства - баги. Система - закон. Тая работала с детьми и писала код. Она верила, что даже самый сложный алгоритм можно исправить, если найти ошибку. Даже если этот алгоритм - человек. Их встреча не должна была случиться. Одно случайно услышанное слово. Один вопрос, заданный не вовремя. Один секрет, который он скрывал годами. Теперь он должен выбрать: оттолкнуть её, чтобы спасти, или оставить рядом и погубить. Но Тая не из тех, кто уходит, когда её просят. Она программист. Она привыкла находить баги. И главный баг в его системе - он сам.

© Люс Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тая	7
Глава 2. Тая	11
Глава 3. Алексей	14
Глава 4. Тая	17
Глава 5. Алексей	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татиана Люс

Переменная по имени Тая

Пролог

10 лет назад...

Кабинет без окон. Бетонные стены, окрашенные в серый. Лампа дневного света гудит, моргает - вот-вот сдохнет, но никто не меняет. Здесь не принято заботиться об удобстве. Здесь принимают решения.

Алексею двадцать восемь. Он сидит на жёстком стуле, напротив - трое. Двое в штатском, но выправка военная, третий - человек из министерства, фамилию которого Алексей так и не запомнил. Да ему и не нужно. Важно не кто они. Важно - что они предлагают.

На столе - папка. Чёрная, без подписей.

— Ваш алгоритм, - говорит тот, что по центру, — уникален. Мы тестировали аналоги. Ваш - единственный, который даёт точность выше девяноста процентов.

Алексей молчит. Он знает, что его алгоритм хорош. Он писал его два года. Почти без сна, почти без денег, на съёмной квартире с тараканами и вечно ломающимся роутером. Он выстраивал нейросеть, которая предсказывает поведение человека по цифровому следу. Что человек купит. Куда поедет. Кому переведёт деньги. И - самое сложное - какую угрозу он представляет.

— Мы хотим, чтобы вы доработали систему под наши задачи, - продолжает человек.

— Какие задачи? - спрашивает Алексей.

Пауза. Моргает лампа. Один из военных переглядывается с чиновником.

— Предиктивная безопасность, - говорит тот наконец. — Выявление потенциально опасных элементов до того, как они совершат противоправные действия.

Алексей усмехается. Он не дурак. Он понимает, что скрывается за этими словами. «Выявление до того, как совершат». Это не безопасность. Это превентивный удар. Это право решать, кто виновен, ещё до того, как вина доказана. Это суд без суда.

— Я не уверен, что меня интересует такое применение, — говорит он.

Человек открывает папку. Пододвигает к Алексею.

Внутри - фотографии. Его стартап, который вот-вот обанкротится. Его мать в больнице, счёт за операцию, который ему никогда не оплатить. Его младшая сестра в инвалидном кресле - рассеянный склероз, редкая форма, нужно лечение за границей.

— Мы знаем вашу ситуацию, — говорит человек ровным голосом. — Мы не давим. Мы предлагаем партнёрство. Вы получаете финансирование. Полный карт-бланш. Ваша компания выходит на рынок с нашей поддержкой. Вы решаете все свои проблемы.

Он делает паузу. Лампа снова моргает.

— А мы получаем «Авгур». Систему, которая будет защищать страну от угроз. Разве не для этого вы её создавали?

Алексей смотрит на фотографии. На мать. На сестру.

— Я создавал её для безопасности, — говорит он глухо.

— Вот и отлично. Для безопасности.

Он закрывает папку. Поднимает глаза.

— Сколько у меня времени?

Человек впервые улыбается - сухо, одними губами.

— Разумное решение, Алексей Викторович. Срок - полгода. И помните: то, о чём мы договорились, не покидает эту комнату. Никогда.

Алексей кивает. Он ещё не знает, что только что продал душу. Что через пять лет «Авгур» выйдет из-под контроля. Что люди, которых он вычисляет, будут исчезать без суда и следствия. И что однажды - через десять лет - в его офис войдёт женщина с зелёными глазами, и из-за неё всё рухнет.

Но это потом.

А пока - лампа моргает. Папка лежит на столе. Он берёт ручку и подписывает договор с дьяволом.

Глава 1. Тая

Наши дни

Автобус трясло.

Я сидела у окна, прижимая к груди рюкзак, и смотрела, как за мутным стеклом проплывают серые коробки новостроек. Март в этом году выдался промозглым - снег уже сошёл, но тепло ещё не пришло, и земля выглядела голой, беззащитной, словно её забыли прикрыть.

В рюкзаке лежали распечатки. Пятнадцать страниц. Я перечитывала их вчера до двух ночи, делала пометки на полях, подчёркивала красным. Приложение «Нейро-Щита» для детей. Красивая обёртка. Яркие иконки. Игровые механики. Рейтинги. Таблицы лидеров. Всё то, от чего меня тошнило последние три года работы в школе.

Я знала, что увижу. Знала ещё до того, как мне прислали демо-версию. Когда корпорация такого уровня запускает «социальный проект», это всегда одно и то же: им нужен не результат, а отчёт. Не дети, а цифры. Не знания, а охват.

Но я всё равно согласилась приехать.

Не из-за денег, хотя заплатили хорошо. Не из-за строчки в резюме. А из-за дурацкой, наивной надежды: вдруг они послушают? Вдруг я смогу достучаться? Вдруг хотя бы одно детское приложение в этой стране сделают не для галочки, а для живых, настоящих детей?

Автобус дёрнулся и замер. Пробка. Я вздохнула, прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Перед внутренним взором всплыло лицо Мишки - ученика из моего второго класса. Мишка не умел проигрывать. Любое соревнование - и он замыкался, уходил в себя, а потом срывался в истерику. Не потому что избалованный. А потому что дома отец бил его за каждую четвёрку. Для Мишки рейтинг - это не игра. Это приговор.

Я представила, как он открывает такое приложение. Как видит, что он не первый. Как его лицо мертвеет. И внутри всё сжалось.

— Девушка, вы выходите? — голос выдернул меня из мыслей.

Я открыла глаза. Автобус стоял у нужной остановки. За стеклом высилась стеклянная башня «Нейро-Щита» - сорок этажей стали и синего зеркального стекла. Она отражала серое мартовское небо, и от этого казалась ещё холоднее, ещё неприступнее.

Я закинула рюкзак на плечо и вышла.

На проходной меня встретил охранник - квадратный, с наушником в ухе и выражением лица «ты здесь никто». Я назвала фамилию. Он сверился с планшетом, кивнул, выдал пластиковый пропуск на шнурке.

— Конференц-зал на двенадцатом. Лифт справа.

Я шла через вестибюль и чувствовала себя букашкой. Здесь всё было огромным: потолки метров пять, панорамные окна, абстрактная скульптура в центре - не то акула, не то самолёт. Люди вокруг двигались быстро, сосредоточенно, говорили вполголоса. Никто не улыбался. Никто ни на кого не смотрел.

В лифте я увидела своё отражение. Серая водолазка, джинсы, волосы собраны в пучок, который уже слегка растрепался. На носу - веснушки, которые я в детстве ненавидела, а потом смирилась. На плече - рюкзак с дурацкой совой. Брелок подарил Мишка на Восьмое марта. Сказал: «Это чтобы вам не страшно было». Я тогда рассмеялась. А теперь смотрела на сову и думала: «Надеюсь, ты прав, Мишка. Потому что мне немного страшно».

Двенадцатый этаж. Двери лифта открылись, и я шагнула в длинный коридор, пахнущий новым пластиком и офисным кофе. Где-то гудела вентиляция. Где-то стучали клавиши.

Конференц-зал я нашла не сразу - три раза свернула не туда и чуть не вошла в серверную. Но в итоге оказалась перед массивной стеклянной дверью, за которой уже сидели люди.

Человек десять. Разработчики, маркетологи, менеджеры. Все в деловых костюмах. Все с ноутбуками. Все повернули головы, когда я вошла, и я физически ощутила их взгляды: «А это ещё кто?».

Я села не в конце стола, где сидят наблюдатели, а ближе к середине. С краю, но всё же. Положила распечатки перед собой. Расправила плечи.

На большом экране уже светилась заставка: яркое, мультяшное, с логотипом «ЮниУм». Так называлось приложение. Снизу подпись: «Учись, играй, побеждай».

«Побеждай». Меня передёрнуло.

Совещание началось без меня - вернее, меня здесь вообще не должно было быть, меня пригласили как эксперта со стороны, но, судя по лицам, никто не понимал, зачем. Руководитель проекта, полноватый мужчина в очках, рассказывал о сроках запуска. Я слушала вполуха и листала распечатки, делая пометки на полях.

Через двадцать минут он закончил и спросил, есть ли вопросы.

Я подняла руку.

— Да, слушаем вас.

Я встала. Сердце колотилось, но голос звучал ровно.

— Я посмотрела демо-версию. У меня есть несколько замечаний.

Короткая пауза. Я видела, как переглянулись разработчики.

— Первое: система рейтингов. Вы ранжируете детей по успеваемости и показываете им таблицу лидеров. Это прямо запрещено рекомендациями детских психологов. Для ребёнка оказаться внизу списка - травма. Особенно для детей из уязвимых групп.

— Но это мотивация, — встрял кто-то из маркетологов. — Без соревнования нет прогресса.

— Без соревнования нет невроза, — ответила я спокойно. — Дети не взрослые. Они не умеют отделять игру от самооценки. Для них последнее место в рейтинге означает «я плохой». Это не мотивация. Это разрушение.

В зале повисла тишина. Я видела, как руководитель проекта снимает очки и начинает их протирать - нервный жест.

— Второе: дофаминовая петля, — продолжила я. — Ваши награды - звёздочки, ачивки, бонусы - завязаны на частоте входов, а не на качестве обучения. Ребёнок будет заходить не чтобы узнать новое, а чтобы получить дозу поощрения. Это механика казино, только для детей.

— Ну это вы загнули, — хмыкнул кто-то.

— Я не загнула, — я повернулась к говорившему. — Я пять лет работаю с младшими классами. Я видела, как дети впадают в истерику из-за проигрыша в обычной настольной игре. А вы предлагаете им цифровую среду, где проигрыш виден всем. Где он висит над ними постоянно. Это не образование. Это эксплуатация детской психики.

Тишина стала густой, как кисель.

Руководитель проекта открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

Дверь конференц-зала открылась.

Я не сразу поняла, кто вошёл. Просто почувствовала: воздух изменился. Все как-то подобрались, выпрямили спины, поправили воротники. Руководитель проекта осёкся на полуслове и суетливо пригладил волосы.

Я обернулась.

В дверях стоял мужчина. Высокий. Сухощавый. В тёмно-сером костюме, который сидел так идеально, что сразу было ясно: шито на заказ, а не куплено в магазине. Тёмные волосы, коротко стриженные, но не по-армейски - стильно, дорого. Чуть тронуты сединой на висках. Лицо резкое, словно высеченное из камня: острые скулы, жёсткая линия челюсти, тонкие губы.

И глаза. Серые. Холодные.

Он смотрел прямо на меня.

Не на руководителя проекта, который что-то залепетал. Не на презентацию, которая горела на экране. На меня.

Я вдруг почувствовала себя голой. Не в смысле - без одежды. В смысле - без защиты. Словно он одним взглядом считал с меня всю шелуху: моё волнение, мои распечатки, мою дурацкую сову на рюкзаке. Словно он знал обо мне всё, чего я сама о себе не знала.

— Продолжайте, — сказал он.

Голос низкий, ровный. Без интонации. Без эмоций. Так говорят люди, которые не просят - приказывают.

Он прошёл к столу и сел во главе. Не на стул - на кресло, которое, видимо, всегда стояло пустым и ждало именно его. Положил руки на подлокотники. Переплёл пальцы.

И снова посмотрел на меня.

— Продолжайте, — повторил он. — Вы критиковали систему мотивации. Я хочу дослушать.

В зале стало тихо-тихо. Только вентиляция гудела где-то под потолком.

Я слотнула. Сердце колотилось где-то в горле. Но я не отвела взгляд.

И продолжила.

Я говорила ещё минут десять. Разбирала их приложение по косточкам: интерфейс, систему уведомлений, цветовую гамму, которая перегружает нервную систему, отсутствие родительского контроля, сбор данных, который нарушал три пункта закона о защите детской информации. Я говорила спокойно, без вызова, без истерики. Просто факты. Просто цифры. Просто правда.

Когда я закончила, в зале стояла тишина.

Руководитель проекта смотрел в стол. Маркетологи перешёптывались. Кто-то делал вид, что пишет в блокноте.

А он - он просто смотрел на меня. И молчал.

Секунда. Две. Пять.

— Интересно, — произнёс он наконец.

Я не поняла, издевается он или нет. Его лицо не выражало ничего.

— Обычно меня критикуют за то, что я уже сделал, — продолжил он. — А вы критикуете то, что я ещё даже не запустил. Это почти пророчество.

Пауза.

— И почти оскорбление моего интеллекта.

В зале кто-то нервно кашлянул. Я почувствовала, как загорелись щёки. Но голос не дрогнул.

— Это не оскорбление, — ответила я. — Это предупреждение. Если вы запустите продукт в таком виде, через полгода появятся статьи о детской депрессии. И ваша компания будет в первых строках.

Он чуть склонил голову набок. Совсем как хищник, который разглядывает неожиданно интересную добычу.

— Вы всегда так разговариваете с работодателями? — спросил он.

— Только с теми, кто делает опасные продукты для детей.

Его губы дрогнули. Не улыбка - тень улыбки. Так, словно он хотел улыбнуться, но разучился.

— Вы закончили? — спросил он.

— Да.

— Тогда на сегодня вы свободны. Команда остаётся. Будем пересматривать концепцию.

Я не сразу поняла, что произошло. Он что - согласился? Или просто выпроводил меня?

Я собрала распечатки, запихнула их в рюкзак и пошла к двери. Спинай чувствовала его взгляд. Он прожигал мне затылок, как лазерный прицел.

Уже у выхода я обернулась. Он всё ещё смотрел на меня.

Наши взгляды встретились. Серый лёд - и мои зелёные, в которых, наверное, плескалась целая буря эмоций.

Я вышла в коридор и только там выдохнула. Прислонилась к стене. Закрыла глаза.

— Ну и что это было? — прошептала я сама себе.

Ответа не было. Только вентиляция гудела, да сердце колотилось где-то в горле.

Я ещё не знала, что через несколько часов столкнусь с ним снова. В пустом коридоре.

После того, как услышу то, что не должна была слышать.

И тогда он уже не будет сидеть в кресле.

Он будет стоять вплотную.

И его голос будет звучать совсем иначе.

Глава 2. Тая

Тот же день, вечер

Я должна была уйти сразу после совещания.

Собрать распечатки, закинуть рюкзак на плечо и уехать домой. Там ждал недописанный отчёт, гора непроверенных тетрадей и кот, который, судя по времени, уже начал голодовку. Но я не ушла.

Меня попросили задержаться. Та самая команда разработчиков, которая час назад смотрела на меня как на врага народа. После ухода Алексея они вдруг засуетились, зашушукались, и руководитель проекта - тот самый полноватый мужчина в очках подошёл ко мне в коридоре и сказал, что они хотят «обсудить замечания в рабочем порядке».

Я согласилась. Не потому что поверила в их внезапную любовь к педагогике. А потому что хотела понять: он правда пересмотрит концепцию или это просто спектакль для начальства? Алексей ушёл - и всё могло вернуться на круги своя. Я должна была убедиться, что мои слова не улетели в трубу.

Мы просидели в переговорной до семи. Потом ещё час - в кабинете у ведущего разработчика, где я показывала на реальных примерах, как перестроить систему мотивации без рейтингов и дофаминовых ловушек. Меня слушали. Спорили. Задавали вопросы. И где-то к восьми я поняла: нет, это не спектакль. Они действительно испугались. Не меня - его. Того, как он посмотрел на них после моего выступления.

— Алексей Викторович редко заходит на такие совещания, — сказал один из разработчиков, когда мы собирали вещи. — Если он пришёл - значит, тема важная. И если он сказал пересмотреть - мы пересмотрим.

Я кивнула, стараясь не показать, что имя «Алексей Викторович» до сих пор отзывается внутри странным эхом. Как будто кто-то нажал на клавишу пианино, а звук всё висит в воздухе, не желая затихать.

В коридорах было пусто.

Я шла к лифту и смотрела под ноги. Мраморный пол блестел после уборки. Лампы приглушили - не ночной режим, но уже и не дневной. Где-то гудела вентиляция, и этот низкий, утробный звук наполнял пространство, как дыхание спящего зверя.

Я нажала кнопку лифта. Он ехал с первого этажа. Долго. Слишком долго.

И тут я услышала голоса.

Они доносились из-за поворота. Не из главного коридора, а из бокового, служебного, которым, как я думала, никто не пользуется. Я не собиралась подслушивать. Просто шагнула назад, чтобы не стоять посреди прохода, и оказалась в нише между двумя колоннами.

— по «Авгуру» сбой. Три объекта. Нужно перепроверить вручную.

Голос был незнакомый. Жёсткий, с металлическими нотками. Так говорят люди, которые привыкли отдавать приказы.

— Данные сольют сегодня ночью. Алексей Викторович в курсе.

Второй голос. Тоже незнакомый. Но этот звучал иначе - с опаской, с оглядкой.

Я стояла, прижавшись к холодной стене, и боялась дышать. «Авгур». Что это? Почему система дала сбой? И что значит «перепроверить вручную»?

Шаги. Тяжёлые. Множественные. Они приближались.

Я вжалась в нишу ещё глубже. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на весь этаж. Мимо прошли четверо. Трое - крепкие, широкоплечие, в штатском, но с выправкой людей, которые прошли военную подготовку. Четвёртый - тот самый глава службы безопасности, которого я видела утром на проходной. Высокий, с седым ёжиком волос и цепким взглядом.

Они скрылись за дверью с кодовым замком. Дверь закрылась с глухим, тяжёлым звуком. Я выдохнула. Не сразу. Медленно, по капле, словно воздух был густым и его нужно было проталкивать сквозь горло.

«Авгур». Три объекта. Перепроверить вручную.

Я достала телефон. Не чтобы позвонить - чтобы записать. Руки дрожали. Палец скользнул по экрану, оставляя влажный след. Я набрала одно слово: «Авгур». И поставила три вопросительных знака.

А потом сделала шаг из ниши.

И наткнулась на него.

Он стоял в полутьме, в паре метров от меня. Пиджак снят, рукава белой рубашки закатаны до локтей. На левом запястье - часы. Простые, без бренда, но явно дорогие. Предплечья жилистые, с выступающими венами. Я зачем-то заметила это. Зачем-то запомнила.

Он смотрел на меня. И в его взгляде не было ничего от утреннего холода. Только жёсткая, концентрированная угроза.

— Что вы здесь делаете? — спросил он тихо.

Голос звучал иначе, чем в конференц-зале. Там он был ледяным, но публичным. Здесь, без свидетелей он стал ниже, опаснее, как вибрация перед землетрясением.

— Я шла к лифту, — сказала я. Мой голос прозвучал жалко. Тонко. Как у оправдывающегося ребёнка.

— Не по этому коридору.

— Я заблудилась.

— Вы не заблудились. Вы стояли за колонной.

Тишина. Гул вентиляции. Моё сердце где-то в горле.

Он шагнул ближе. Один шаг. Всего один. Но расстояние между нами сократилось до метра, и я почувствовала запах. Сандал? Кедр? Или просто запах дорогой ткани и нагретой кожи. И что-то ещё, едва уловимое, металлическое, как озон после грозы.

— Вы слышали то, что не должны были слышать, — сказал он.

Это был не вопрос. Утверждение. Приговор.

— Я — начала я и осеклась.

— Не лгите. Я видел вас. Вы слышали.

Я смотрела на него снизу вверх. Он был выше на голову, и мне пришлось задрать подбородок, чтобы встретить его взгляд. В полутьме его глаза казались почти чёрными. И в них не было ничего, кроме холода.

Но я не отвела взгляд. Дурацкая, наивная привычка не показывать страх.

— Да, — сказала я. — Слышала.

Он моргнул. Медленно. Словно пробуя моё признание на вкус.

— Забудьте, — произнёс он. — Это не игра. То, что вы слышали, — вопрос безопасности. Не моей.

Я сглотнула. В горле было сухо, как после долгого бега.

— Чьей безопасности? — спросила я тихо. — Вы сказали «не моей». Тогда чьей? Детей? Тех, кого ваш «Авгур» вычисляет?

Слова вырвались сами. Я не думала. Не анализировала. Просто спросила то, что жгло изнутри.

И в этот момент я увидела то, чего не видела за весь день. На долю секунды, на один короткий миг, его лицо изменилось. Не гнев. Не страх. Боль. Настоящая, живая боль, которая мелькнула в глубине серых глаз и тут же исчезла, как будто её стёрли ластиком.

Он не ответил.

Вместо ответа он взял меня за локоть. Крепко, но не грубо. Его пальцы были тёплыми, я почему-то ожидала, что они будут холодными, как всё остальное в нём. Но нет, тёплые. И это тепло почему-то напугало меня больше, чем любой холод.

— Я вызову вам такси, — сказал он. — Вы поедете домой. И забудете всё, что слышали. Это не просьба.

Я вырвала локоть. Резче, чем нужно. Его пальцы разжались, и я отступила на шаг.

— А если я не забуду? — спросила я. Мой голос дрожал, но я закончила: — Вы меня уберёте? Как ваша система убирает тех, кто неудобен?

Он смотрел на меня. Долго. Секунда. Две. Пять.

А потом случилось странное.

Он улыбнулся.

Не широко. Не победно. Чуть-чуть, краешком губ, но в этой улыбке было столько горечи, столько усталости, что у меня перехватило дыхание.

— Если бы я хотел вас убрать, — сказал он тихо, — вы бы уже ни о чём не спрашивали.

Он сунул руку в карман, достал телефон. Несколько быстрых движений пальцами.

— Такси будет через пять минут. Чёрный седан. Номер я скинул в пропускную систему, вас проводят.

Он убрал телефон. Поднял на меня глаза.

— И да. «Авгур» не вычисляет детей. Он вычисляет угрозы. Разница есть, но вам лучше о ней не знать.

Он развернулся и пошёл по коридору не оглядываясь. Шаги - ровные, тяжёлые, уверенные. Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри рушится всё, что я думала о нём за последние несколько часов.

Он не был просто холодным начальником.

Он был человеком, который носит в себе что-то тёмное, что-то опасное. Что-то, о чём он не может рассказать, но что разъедает его изнутри.

Я это видела. Я, педагог, которая пять лет училась считывать детей, которые врут, - я видела: он тоже врёт. Но не мне. Себе.

Лифт пришёл и я спустилась в вестибюль. Охранник проводил меня к выходу, где меня уже ждал чёрный седан.

Я села на заднее сиденье, прижала рюкзак к груди и закрыла глаза.

Запах. Сандал и озон. Всё ещё в ноздрях. Тёплые пальцы на локте. Всё ещё на коже. «Авгур». Три объекта. Перепроверить вручную.

Я открыла глаза и посмотрела в окно. Машина выезжала из делового центра. Город горел огнями - равнодушный, суетливый, ничего не знающий о том, что только что случилось.

Я достала телефон. Открыла поиск.

Набрала: «Авгур».

Ноль результатов. Ничего. Как будто этого слова не существовало.

Я набрала снова: «Нейро-Щит секретный проект».

Ноль.

Я отложила телефон и уставилась в темноту за окном. Он сказал забыть. Он сказал, что это для моей безопасности, но я не забуду.

Потому что я программист. Потому что я не умею оставлять баги неисправленными. И потому что где-то в глубине его серых глаз я увидела не монстра.

Я увидела уравнение, которое не сходится и я хочу понять почему.

Глава 3. Алексей

Тот же вечер

Я стоял у окна и смотрел, как чёрный седан выезжает с парковки.

Она сидела на заднем сиденье. Я не видел её лица - только силуэт, тёмный на фоне мелькающих огней, но я знал, что она не плачет. Она не из тех, кто плачет в такси. Она из тех, кто достаёт телефон и начинает искать, копать. Задавать вопросы, на которые у меня нет ответов.

Или есть. Но не те, которые она хочет услышать.

Седан мигнул габаритами и скрылся за поворотом. Я продолжал стоять. Стекло холодило лоб. За ним - город, сорок этажей вниз, миллионы огней, миллионы жизней, которые я привык просчитывать как переменные в уравнении, но сейчас уравнение не сходилось. В нём появилась новая переменная. С зелёными глазами и дурацкой совой на рюкзаке.

Я отошёл от окна. Кабинет тонул в полумраке, только настольная лампа горела, выхватывая из темноты стопку документов и наполовину пустой стакан с водой. Я сел в кресло, откинулся, закрыв глаза.

И снова увидел её.

Веснушки на носу. Три на левой скуле, одна на правой. Я заметил их ещё утром, в конференц-зале, когда она встала и начала говорить. Она говорила, а я считал веснушки. Как мальчишка. Как идиот. Я, который за пятнадцать лет не запомнил лиц большинства своих сотрудников, потому что лица мне были не нужны. Мне нужны были функции. Результаты. Данные.

А она не была функцией.

Она стояла там, в своём сером свитере, с распечатками в дрожащих руках, и говорила моей команде правду. Не ту правду, которую я хотел слышать. Не ту, которую было выгодно, а настоящую, неудобную, опасную.

Я должен был разозлиться. Я должен был выставить её за дверь. Вместо этого я сидел и слушал и где-то на третьей минуте поймал себя на мысли, что не хочу, чтобы она замолкала.

Я открыл глаза. Потянулся к стакану. Вода была тёплой и безвкусной.

«Авгур». Она услышала это слово. Она услышала достаточно, чтобы начать копать, а если она начнёт копать - она найдёт. Не сразу, но найдёт. Потому что у неё есть то, чего нет у большинства людей: искреннее, наивное, опасное желание докопаться до правды.

Я знал, что должен сделать. Я должен был отстранить её от проекта. Вычеркнуть из всех списков. Сделать так, чтобы её нога больше никогда не переступила порог этого здания. Ради её же безопасности. Ради моей. Ради всего, что я строил пятнадцать лет.

Я потянулся к телефону, открыл контакты. Нашёл её имя - Тая. Всего три буквы. Она записана была как «Тая — эксперт-педагог». Я сам вносил её в базу утром, перед совещанием. Механически, не глядя. Тогда она была просто ещё одним человеком в расписании.

Теперь она была проблемой.

Я нажал кнопку вызова службы безопасности.

— Слушаю, Алексей Викторович.

— Таисия. Внешний консультант по проекту «ЮниУм». Убрать из всех списков. Доступ в здание аннулировать. Сообщите руководителю проекта - пусть ищет другого эксперта.

— Принято. Причина?

Я помолчал.

— Конфиденциальность. Она видела то, что не должна.

— Понял. Сделаем.

Я отложил телефон. Всё. Вопрос закрыт. Она больше не появится в моём офисе, не будет сидеть в конференц-зале, не будет смотреть на меня своими зелёными глазами, не будет задавать вопросы, на которые я не могу ответить.

Я откинулся в кресле, попытался почувствовать облегчение. Не почувствовал. Вместо облегчения внутри была пустота. Не та привычная, рабочая пустота, в которой удобно существовать. Другая, новая.

Я встал. Подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью - равнодушный, суетливый, ничего не знающий.

Я вспомнил её вопрос. «А если я не забуду?» И свой ответ. Идиотский, непрофессиональный, вырвавшийся откуда-то изнутри, а не из головы: «Если бы я хотел вас убрать, вы бы уже ни о чём не спрашивали».

Зачем я это сказал? Зачем не отрезал жёстко, как привык? Зачем дал ей эту щель - намёк на то, что я не монстр?

Потому что она смотрела на меня. И в её взгляде не было страха. Только любопытство. Только желание понять. И я - я, который пятнадцать лет отталкивал всех, кто подходил слишком близко, - я не хотел, чтобы она уходила.

Я хотел, чтобы она осталась.

Чтобы смотрела на меня, говорила со мной, считала веснушки на моём лице, если они у меня есть.

Я провёл ладонью по лицу. Кожа была жёсткой, колючей - щетина к вечеру. Веснушек у меня не было. Ни одной.

Я достал из ящика нижнего отделения чёрную папку. Без подписей. Ту самую, которую десять лет назад мне вручили в бетонном кабинете без окон. Внутри - распечатки, техническая документация «Авгура». Список контактов, по которым нельзя звонить и имена, которые нельзя произносить вслух.

И фотография. Моя. Двадцатилетней давности. Молодой, глупый, верящий, что технологии спасут мир. Я смотрел на себя и не узнавал. Тот парень ещё не подписал договор. Ещё не знал, во что превратится его алгоритм.

Теперь я знал. «Авгур» не просто вычисляет угрозы - он их устраняет. Без суда и следствия. Без права на ошибку. И три объекта, о которых говорили в коридоре, - это три человека. Три приговора, которые моя система вынесла, даже не спросив меня.

Я закрыл папку. Убрал обратно. Запер ящик.

Взял телефон. Открыл её профиль в базе - тот, который через минуту должен был исчезнуть. Фотография на пропуске. Тая. Тёмные волосы собраны в пучок. Зелёные глаза смотрят прямо в камеру. На носу - веснушки, которые почти не видны при дневном свете, но я знал, что они есть. Я запомнил.

Я смотрел на фотографию. Палец завис над кнопкой «удалить».

И я не мог нажать.

Пять секунд. Десять. Тридцать.

Я заблокировал телефон. Бросил на стол.

— Чёрт, — сказал я вслух.

В пустом кабинете никто не ответил. Только вентиляция гудела где-то далеко.

Я не мог её удалить. не сейчас. Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Может быть, когда перестану видеть её лицо каждый раз, когда закрываю глаза.

Я встал. Взял пиджак со спинки кресла. Погасил лампу.

У двери остановился. Обернулся. На столе, в лужице света от уличных фонарей, лежал телефон. И где-то в его памяти, в базе данных «Нейро-Щита», всё ещё жила запись: «Тая - эксперт-педагог».

Я не удалил её.

И где-то глубоко внутри, там, куда не дотягиваются алгоритмы, я знал: это ошибка. Непростительная. Смертельная. Ошибка, которая будет стоить мне всего.

Но я всё равно её не удалил.

Потому что она была первым человеком за пятнадцать лет, который посмотрел на меня и не увидел монстра.

И я не мог стереть этот взгляд.

Я вышел в коридор. Дверь закрылась за спиной с глухим, тяжёлым звуком. Где-то пахло офисной пылью и хлоркой. И где-то - совсем рядом, в памяти, в воздухе, в кончиках пальцев ещё жил запах мяты и книжной пыли.

Я пошёл к лифту. Каждый шаг отдавался в груди глухим, непонятным эхом.

Как будто я что-то терял.

Как будто я что-то *уже* потерял.

Глава 4. Тая

Неделю спустя

Второе совещание по «ЮниУму» было назначено на четверг, в десять утра. Я знала о нём не из письма, потому что письма мне так и не прислали. Я знала из собственного календаря, куда занесла дату в первый же день, когда руководитель проекта пожал мне руку и сказал: «Через неделю собираемся снова, посмотрим ваши правки». Он улыбался, и я тогда действительно поверила, что вернусь.

В четверг утром я надела ту же серую водолазку, собрала волосы в пучок, закинула рюкзак с дурацкой совой на плечо и поехала через полгорода к стеклянной башне «Нейро-Щита». В рюкзаке лежали новые распечатки, двадцать четыре страницы исправленных рекомендаций, которые я дописывала ночами. Солнце наконец вылезло из мартовской серости, и башня сияла так, словно её только что отмыли к приезду важного гостя.

Я прошла через вращающиеся двери, вдохнула знакомый запах офисного кофе и пластика, направилась к турникетам. Охранник был тот же, квадратный, с наушником и вечным выражением лица «ты здесь никто». Я приложила пропуск к считывателю. Короткий противный писк, красный крестик. Приложила ещё раз. Снова красный.

- Пропуск недействителен, - сказал охранник, не глядя на меня.

- Этого не может быть. У меня совещание по проекту ЮниУм, двенадцатый этаж.

Он вздохнул и оторвал взгляд от монитора. - Ваш доступ аннулирован вчера. Приказ сверху.

- Чей приказ?

- Не могу знать.

Я достала телефон и набрала руководителя проекта. Гудок, второй, третий, сброс. Ещё раз, снова сброс. Тогда я открыла рабочую почту и увидела то, что должна была увидеть ещё вчера: автоматическое письмо с пометкой «Уважаемая Таисия, уведомляем вас о прекращении сотрудничества по проекту ЮниУм. Ваш договор расторгнут в одностороннем порядке. Причина: пересмотр концепции. Доступ в здание аннулирован». Ни спасибо, ни извините, ни «мы ценим ваш вклад». Три строки и пустота.

Я стояла посреди вестибюля, смотрела на красный крестик и чувствовала, как внутри поднимается холодная волна программистского азарта. Меня только что удалили из системы. Без объяснений, без прощания, без права возразить. Кнопка delete, и человека нет.

Я развернулась и вышла на улицу. Села на ближайшую скамейку, достала ноутбук и подключилась к мобильной сети. Если меня убрали, это одно. Но убрали ли до конца? Я вошла в общую базу внешних консультантов, ввела свой ID. Профиль был активен. Я обновила страницу, ещё раз, и ещё. Активен. Система врала. Мой пропуск заблокировали на входе, но не удалили из базы. Так не делается: если человека увольняют, его стирают полностью. Значит, кто-то закрыл мне дверь и одновременно оставил окно. Кто-то знал, что я замечу. Кто-то знал, что я начну копать.

Я захлопнула ноутбук и посмотрела на башню. Солнце отражалось в синем зеркальном стекле, и где-то там, на сороковом этаже, в угловом кабинете, работал человек, который мог ответить на все мои вопросы. Я не стала ему звонить. Вместо этого открыла список участников того самого совещания, сохранённый в почте, и начала искать сама.

Разработчики, маркетологи, менеджеры. Десять имён, десять биографий, десять ниточек. На это ушло три дня. Я почти не спала, пила чай литрами, кормила кота впопыхах и сидела за ноутбуком до рези в глазах. Из десяти человек девятёро были чисты, обычные карьерные траектории, обычные жизни. А десятый исчез.

Его звали Сергей Зайцев, двадцать семь лет, ведущий разработчик. Он сидел у окна на совещании, единственный, кто не задал ни одного вопроса. Слушал, подперев голову рукой, и рисовал что-то на полях блокнота. Я вспомнила его, потому что он единственный не смотрел на меня с раздражением. Сергей Зайцев не выходил на связь уже две недели. Его профили в соцсетях молчали, рабочий аккаунт был деактивирован, а номер телефона не отвечал. Я проверила всё, что можно было проверить, не выходя из квартиры, и нашла только один живой контакт: его мать, Антонина Петровна Зайцева, шестьдесят семь лет, частный дом на окраине Петербурга. Больше ничего. Как будто человека стёрли ластиком, оставив только одну тонкую ниточку.

Я записала адрес в блокнот и закрыла ноутбук. Вася сидел на подоконнике и смотрел на меня с укором. Я почесала его за ухом и сказала вслух: «Я просто съезжу и поговорю с ней. Один раз».

На следующий день я взяла билет на утреннюю электричку.

До Петербурга было четыре часа пути. Я сидела у окна, смотрела на проплывающие мимо серые поля и думала о Сергее, которого не знала. Почему он молчал на совещании? Почему не спорил, не возражал, не поддерживал? И почему он исчез именно сейчас? Я прокручивала в голове тот день, конференц-зал, лица. Он рисовал в блокноте. Что он рисовал? Я не помнила, не обратила внимания.

На окраине Петербурга меня встретил холодный ветер с залива. Я шла по частному сектору мимо покосившихся заборов и старых яблонь, пока не нашла нужный дом. Жёлтый, с облупившейся краской, с палисадником, в котором уже набухали первые почки. Я постучала. Дверь открыла пожилая женщина в тёплом платке, худая, с покрасневшими глазами.

- Антонина Петровна?

Она кивнула. Посмотрела на меня с опаской - Вы кто?

- Меня зовут Тая. Я работала с вашим сыном. Над одним проектом в Нейро-Щите. Я хотела бы поговорить о нём.

Её лицо изменилось. Опаска сменилась страхом. Она отступила вглубь прихожей и замотала головой - Я не знаю, о чём вы. Мой сын уволился и уехал. Оставьте меня в покое.

- Я не из компании, - сказала я мягко. - Я педагог. Я помогала им с детским приложением. И меня тоже убрали. Без объяснений.

Она замерла. Смотрела на меня долго, изучающе, потом спросила - Это вы та самая? Которая сказала им правду на совещании? Серёжа рассказывал. Он сказал: мама, там была одна женщина, она не боится. Если со мной что-то случится, найди её.

У меня перехватило дыхание. - Что с ним случилось?

Антонина Петровна закрыла глаза и покачнулась. Я подхватила её под локоть и завела в дом. Мы сели на кухне, и она, помешивая остывший чай, рассказала мне всё. Сергей работал над «ЮниУмом», но параллельно его привлекли к другому проекту, закрытому, без названия, только кодовое слово. Он не имел права говорить о нём даже матери. А потом он нашёл что-то, какую-то ошибку в алгоритме, которая всё меняла. Он сказал: «Мама, я не могу это исправить, потому что это не ошибка. Так задумано». Через три дня он перестал выходить на связь.

- Его телефон не отвечает, - сказала она. - Дверь квартиры опечатана, а мне прислали письмо, что он уволен по собственному желанию и уехал за границу. Серёжа не уезжал за границу. Он даже загран паспорта не имел.

Я слушала и чувствовала, как холод расплзается от затылка к лопаткам. - Кодовое слово, - сказала я. - Вы запомнили его?

Она подняла на меня покрасневшие глаза. - Да. Он сказал один раз. Шёпотом. Авгур.

Я вышла от Зайцевой через час. Ветер с залива бил в лицо, но я не чувствовала холода. Внутри всё горело. «Авгур». Снова это слово. Теперь у него было лицо, имя и мать, которая

ждёт сына и не дожждётся. Я шла к станции и сжимала в кармане телефон так, словно он мог взорваться.

В электричке я открыла ноутбук. Три объекта, сбой, перепроверить вручную. Сергей Зайцев мог быть одним из трёх. Он нашёл ошибку, он хотел исправить, он говорил обо мне матери. Он знал, что я не боюсь. И теперь он исчез, а мой доступ в систему всё ещё был активен. Кто-то оставил мне ключ. Кто-то ждал, что я начну копать. И я начала.

Дома меня встретил Вася. Он сидел на пороге и орал, требуя ужин. Я насыпала ему корм, скинула куртку и села за стол. Открыла логи своего профиля, проверила историю входов. Последняя активность была сегодня ночью, в 3:14. IP-адрес внутренний, основной сервер «Нейро-Щита». Кто-то заходил в мой профиль прямо из офиса компании, пока я ехала в Петербург и обратно.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Вася урчал где-то внизу. За окном темнело. В голове крутились цифры, даты, имена, а за ними, как фон, как неслышный гул, стояло одно слово. «Авгур». Я не знала, что оно значит, но знала, что больше не остановлюсь.

Я открыла браузер и набрала в поиске «Сергей Зайцев Нейро-Щит». Ноль результатов. Набрала «Авгур». Ноль. Набрала «предиктивная безопасность». Тысячи ссылок, но ни одна не вела туда, куда нужно. Тогда я сделала то, чего не делала никогда: зашла в теневой форум, где сидят бывшие сотрудники закрытых компаний. Пароль мне дал знакомый безопасник ещё с прошлой работы, на всякий случай. Я думала, этот случай никогда не наступит.

В строке поиска я ввела «Авгур». Задержала дыхание. И получила одно сообщение. Анонимное, без подписи, с левого аккаунта. Три слова: «Вы копаете зря».

Я написала в ответ: «Где Сергей Зайцев?»

Ответ пришёл через минуту: «Не ищите его. И не ищите Авгур. Это не проект. Это приговор».

Я перечитала сообщение трижды. Потом закрыла форум, очистила кэш и выключила ноутбук. Вася запрыгнул мне на колени и уставился зелёными глазами. Я гладила его и думала. Мне угрожали. Мне советовали остановиться, но я не могла. Потому что Сергей верил, что я не боюсь. Потому что его мать ждёт ответа. И потому что кто-то внутри «Нейро-Щита» оставил мне доступ и ждал, что я пойду дальше.

Я встала, налила себе чай и посмотрела в окно. Там, в темноте, горели огни города, и где-то среди них был он. Алексей. Человек, который приказал заблокировать мой пропуск, но не удалил профиль. Который мог ответить на все вопросы, но молчал. Я не знала, враг он или союзник, но я знала, что рано или поздно он придёт ко мне сам. Потому что я - баг в его системе, а он - уравнение, которое я намерена решить.

Я поставила чашку в раковину и пошла спать. Завтра мне предстояло решить, что делать дальше.

Глава 5. Алексей

Той же ночью

Я сидел в кабинете, когда пришло оповещение.

Монитор светился в полутьме, высвечивая строки логов. Система безопасности «Нейро-Щита» фиксировала всё: входы, выходы, попытки доступа, подозрительную активность, но сегодня я следил не за корпоративной сетью. Я следил за ней.

Тая. Три буквы, которые не выходили у меня из головы две недели. Она зашла в теневой форум в 21:47. Использовала старый пароль, который ей дал бывший сотрудник, ещё с прошлой работы. Глупо. Опасно. И очень в её духе.

Я читал её сообщения в реальном времени. «Авгур». Она набрала это слово и замерла, ожидая результата. Я видел, как мигает курсор на её экране, потому что мой софт зеркалировал её сессию. Я знал, что она найдёт. На этом форуме сидели бывшие сотрудники, уволенные за болтливость, и один из них точно клюнет.

Клюнул. Анонимный аккаунт, три слова: «Вы копаете зря».

Я выругался сквозь зубы и потянулся к клавиатуре. Пальцы забегали, впечатывая ответ. Я не должен был этого делать. Я должен был закрыть её сессию, заблокировать форум, стереть все следы. Но она уже написала следующий вопрос. «Где Сергей Зайцев?»

Сергей. Значит, она нашла его. Значит, она была у Зайцевой. Значит, она знает больше, чем я рассчитывал.

Я откинулся в кресле и провёл ладонью по лицу. Щетина колола пальцы. Третий час ночи, за окном темнота, в кабинете тишина. Только сервер гудит где-то в недрах здания, как спящий дракон. Я посмотрел на экран. Она ждала ответа.

Я мог написать что угодно. Мог представиться кем угодно. И я написал правду. Почти.

«Не ищите его. И не ищите Авгур. Это не проект. Это приговор».

Я отправил сообщение и закрыл форум. Сердце колотилось тяжело и редко, как метроном, отсчитывающий время до взрыва. Она не остановится. Я знал это с того самого момента, как она встала в конференц-зале и сказала моей команде правду в лицо. Такие, как она, не останавливаются. Они идут до конца, даже если конец - это пропасть.

Я встал из-за стола и подошёл к окну. Город внизу спал, раскинувшись чёрным морем с редкими огнями. Где-то там, в одной из многоэтажек на окраине, горел свет в её окне. Я знал адрес, знал район, знал, что у неё кот и что она пьёт чай без сахара. Я знал слишком много для человека, который должен был вычеркнуть её из своей жизни две недели назад.

Но я не вычеркнул. И в этом была моя ошибка. Или моё спасение.

На следующее утро я связался с Антониной Петровной. Не сам, через доверенного человека в Питере. Через час мне перезвонили и доложили: Тая была у неё вчера, проговорила почти час, записала адрес, уехала. Зайцева напугана, но жива. Пока.

Я положил трубку и несколько минут сидел неподвижно. Она была у Зайцевой. Она нашла Сергея. Теперь она в игре по-настоящему, и те, кто стоит за «Авгуром», уже знают о ней. Если они ещё не вышли на след, то выйдут в ближайшие дни. А когда выйдут, её не спасёт ни мой незаблокированный профиль, ни мои анонимные сообщения.

Я должен был поговорить с ней лично. Объяснить. Предупредить. И, возможно, попросить о помощи, потому что одному мне было не справиться. Я думал об этом две недели и откладывал каждый день, убеждая себя, что так безопаснее. Теперь выбора не осталось.

Вечером я сел в машину и поехал к ней. Без охраны, без водителя. Дождь начался, когда я выезжал из центра, и к её дому я подошёл уже мокрый, в пальто, с которого капала вода. Подъезд был старый, с облупившейся краской на стенах и запахом сырости. Я поднялся на третий этаж и позвонил.

Тишина. Я позвонил ещё раз.

За дверью слышались шаги, лёгкие и осторожные. Она смотрела в глазок - я чувствовал её взгляд. Потом пауза, долгая, как вдох перед прыжком. Дверь открылась.

Она стояла на пороге. Серая водолазка, джинсы, волосы распущены. Без рюкзака, без дурацкой совы. Только она сама, с зелёными глазами, в которых плескалась целая буря: страх, любопытство, гнев, надежда. Всё сразу.

- Вы, - сказала она.

- Я.

Она не отступала, не приглашала войти. Просто стояла и смотрела, словно ждала объяснений. И я понял, что не могу больше лгать.

- Это я писал вам на форуме, - сказал я. - Вчера ночью. Это был я.

Её глаза расширились. Она отступила на шаг, но не от страха, а от неожиданности. Переваривала информацию, и я почти видел, как крутятся шестерёнки в её голове. Программист. Аналитик. Женщина, которая только что поймала меня на лжи.

- Вы следили за мной, - произнесла она медленно, и это был не вопрос, а утверждение.

- Да. С того самого вечера в коридоре.

- Зачем?

Я помолчал. Дождь стучал по карнизу, капли срывались с моего пальто и падали на бетонный пол лестничной клетки. Я посмотрел ей в глаза и сказал правду, которую не говорил никому и никогда.

- Потому что вы — единственный человек за пятнадцать лет, который посмотрел на меня и не увидел монстра. И я не мог позволить, чтобы вас убили.

Она не ответила. Просто стояла и смотрела, и в её глазах медленно таял лёд. Потом она отступила в сторону и открыла дверь шире.

- Заходите. Чай будете?

Я переступил порог. Внутри пахло мятой и книжной пылью, и на подоконнике сидел рыжий кот, который посмотрел на меня с таким видом, словно я здесь лишний.

- Буду, сказал я. - Без сахара.

Я переступил порог и сразу почувствовал, что попал в другой мир. Здесь не было стерильной тишины моего пентхауса, где каждый звук отскакивает от бетонных стен и возвращается ко мне же, усиленный одиночеством. Здесь всё дышало, двигалось, жило. Кот на подоконнике сверлил меня жёлтыми глазами, оценивая степень угрозы. На плитке стоял закопчённый чайник, из которого тонкой струйкой поднимался пар, и это означало, что она собиралась пить чай ещё до моего прихода. На столе лежала раскрытая книга по детской психологии, а рядом с ней, экраном вниз, пристроился ноутбук с наклейкой «Debug your mind». В углу прихожей стояли детские резиновые сапожки, синие с жёлтыми утятами, и я зачем-то подумал: наверное, учеников. Своих детей у неё не было, я проверял.

Она прошла на кухню впереди меня, достала с полки вторую кружку, поставила чайник, насыпала заварку в ситечко. Двигалась спокойно, без суеты, но я видел, как напряжены её плечи. Она не боялась, но была настороже. И правильно делала.

Я сел за стол, положил руки перед собой, переплёл пальцы. Старая привычка: когда не знаешь, куда девать руки, займи их чем-нибудь. Кот спрыгнул с подоконника, подошёл ко мне, обнюхал мокрую штанину и чихнул. Видимо, мой запах ему не понравился.

— Это Вася, — сказала Тая, не оборачиваясь. — Он не злой. Просто у него вкус.

— У меня дома нет животных.

— Я знаю, — она поставила кружку передо мной. Чай был чёрный, горячий, без сахара. — Вы не похожи на человека, который заводит кота. Слишком много шерсти. Слишком мало контроля.

— Вы считаете, что я контролирую всё?

— Нет. Я считаю, что вы пытаетесь. Но у вас не получается. Иначе вы бы не сидели сейчас на моей кухне.

Она села напротив, обхватила свою кружку ладонями, поднесла к лицу, вдохнула пар. Я смотрел на неё и думал: она красивая. Не модельной красотой, от которой через минуту устаёшь, а другой, глубокой, настоящей. У неё было лицо человека, который умеет слушать. Такие лица редко встречаются, особенно в моём мире, где каждый смотрит на тебя и прикидывает, какую выгоду можно извлечь.

— Зачем вы оставили мой профиль активным? — спросила она.

— Чтобы у вас был шанс.

— Шанс на что?

— Узнать правду. Или уйти. На ваш выбор.

Она отпила глоток, не отводя от меня взгляда.

— Я не ушла.

— Вижу.

— Тогда расскажите мне. Всё. Без «это не игра» и «ради вашей безопасности». Что такое «Авгур»? Почему исчез Сергей Зайцев? И кто те трое, которых надо «перепроверить вручную»?

Я отодвинул кружку. Чай был хороший, но мне сейчас было не до чая.

— «Авгур» — это система предиктивной безопасности, — начал я. — Я написал её десять лет назад. Она анализирует цифровой след человека и предсказывает его поведение. Не «что он купит» или «куда поедет», а «какую угрозу он представляет». Мой алгоритм вычисляет людей, которые с высокой вероятностью совершат преступление. Террористов. Хакеров. Промышленных шпионов. Тех, кого обычные методы не ловят.

— «Предсказывает» — это ключевое слово, — сказала она. — Предсказание — это не факт. Это вероятность.

— Да.

— И что происходит с теми, кого ваш алгоритм вычислил?

Я помолчал. Вентиляция в её доме не гудела, но где-то капала вода из крана, размеренно, как метроном.

— Их убивают, — сказал я. — Без суда. Без следствия. Без права на ошибку.

Она поставила кружку на стол. Руки у неё не дрожали, но пальцы сжались вокруг керамики так, что побелели костяшки.

— Вы создали машину, которая убивает людей.

— Да.

— И вы пришли ко мне, чтобы я вас простила?

— Нет. Я пришёл, чтобы вы помогли мне её остановить.

Тишина стала такой плотной, что, казалось, её можно потрогать. Кот Вася запрыгнул на подоконник и уставился в темноту за окном. Тая смотрела на меня, и я видел, как за её зелёными глазами идёт сложная внутренняя работа. Она не кричала, не обвиняла, не плакала. Она анализировала.

— Почему сейчас? — спросила она наконец.

— Потому что три дня назад система дала сбой. Три объекта, которых она пометила, не подтвердились при ручной проверке. Это были не террористы. Это были гражданские. Случайные люди, которых алгоритм вычислил по ошибке.

— И их убрали?

— Двоих — да. Третьего не успели. Он исчез раньше.

— Сергей Зайцев.

Я кивнул.

— Он был одним из трёх. Он нашёл баг в коде, который приводил к ложным срабатываниям. Он не был угрозой, он был программистом, который хотел исправить ошибку. Когда он понял, что ошибка — не ошибка, а задуманный функционал, он попытался выйти из проекта. И тогда система пометила его самого.

— Как «потенциальную угрозу».

— Да.

Тая встала из-за стола и подошла к окну. Вася потянулся к ней, но она не обратила внимания. Она стояла спиной ко мне, обхватив себя руками, и смотрела в темноту.

— Вы знали, что Сергей сидел на том совещании? — спросила она.

— Знал. Я знал, что он следит за проектом «ЮниУм» изнутри. Он был моим человеком. Она резко обернулась.

— Вашим?

— Не в том смысле. Он сам пришёл ко мне за месяц до совещания. Сказал, что нашёл аномалию в коде «Авгура». Сказал, что кто-то намеренно встроил туда функцию ложных срабатываний. Он не знал, кому доверять, поэтому пришёл прямо ко мне.

— И что вы сделали?

— Я начал расследование. Но не успел. Его вычислили и пометили раньше, чем я нашёл источник аномалии.

— Кто стоит за аномалией?

— Тот, кто курирует «Авгур» со стороны заказчика. У системы есть два хозяина: я, как разработчик, и они, как пользователи. Когда я подписал контракт десять лет назад, я думал, что передаю технологию государству. Так и было. Но за десять лет внутри спецслужб выросло крыло, которое использует «Авгур» не для защиты, а для устранения. Они научились подсовывать системе ложные цели. Людей, которые им мешают. Конкурентов. Журналистов. Программистов, которые знают слишком много.

— Сергей знал слишком много.

— Да. И вы теперь знаете.

Она вернулась к столу, но не села. Встала напротив меня, скрестив руки на груди.

— Почему вы просто не уволитесь? Не закроете проект? Не уничтожите код?

— Потому что код уже не мой. Он на их серверах. Если я попытаюсь его уничтожить, они убьют меня, мою сестру, а потом найдут другого разработчика и продолжат. Единственный способ остановить «Авгур» — это доказать, что система работает с ошибкой. Что ложные срабатывания — не баг, а функция. Что людей убивают не потому, что они угроза, а потому, что они неудобны.

— И для этого вам нужен Сергей.

— Сергей нашёл доказательство. Он записал его на физический носитель и спрятал. Перед тем как исчезнуть, он успел отправить мне сообщение из двух слов: «У мамы».

Тая медленно опустилась на стул.

— Антонина Петровна, — прошептала она. — Он отдал доказательство ей.

— Да. И когда вы поехали к ней, я испугался. Потому что если вы нашли её, то и они найдут. Вы опередили их на сутки, не больше.

— Вы могли просто сказать мне это на форуме.

— Нет. За форумом следят. Любое сообщение с упоминанием «Авгура» перехватывается в течение часа. Поэтому я написал вам то, что написал: «Не ищите». А потом понял, что вы всё равно будете искать, и приехал лично.

Она смотрела на меня. В её глазах больше не было страха. Только холодный, ясный свет.

— Что вы хотите от меня?

— Помогите мне вернуть доказательство. Антонина Петровна доверяет вам. Мне она не откроет дверь, даже если я приду с охраной. А вам откроет. Вы должны поехать к ней ещё раз и забрать то, что оставил Сергей.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что вы — единственный человек, которому я рассказал правду. И потому что вы — единственный человек, который может мне помочь.

Она молчала. Вася мурчал на подоконнике. За окном шумел дождь. Я сидел и ждал, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я поеду. Но с одним условием.

— Каким?

— Вы едете со мной. Без охраны. Без водителя. Только вы и я.

— Это опасно.

— Я знаю. Но я хочу видеть, кому помогаю. И хочу, чтобы вы видели, ради кого рискую.

Я посмотрел на неё. Маленькая, в серой водолазке, с растрепавшимся пучком и веснушками на носу. Она не боялась. Или боялась, но не показывала. И я вдруг понял, что за пятнадцать лет одиночества впервые встретил человека, который сильнее меня.

— Договорились, — сказал я.

Она кивнула и пододвинула ко мне кружку.

— Чай остыл. Давайте заварю свежий. Завтра у нас долгий день.

Я остался на её кухне до рассвета. Мы не говорили больше о мёртвых и опасности, мы говорили о живых: о её учениках, о моей сестре, о том, как странно устроен мир, в котором люди создают машины для убийства и называют это безопасностью. А когда первые лучи солнца пробились сквозь занавески, она проводила меня до двери.

— Алексей, — сказала она на прощание. — Если вы меня обманываете, я уже никогда не смогу поверить никому.

— Я не обманываю, — ответил я. — Я устал от лжи.

Она закрыла дверь. Я спустился по лестнице, вышел под утренний дождь и сел в машину. Впервые за десять лет я сказал правду. И мне было страшно. Не за себя. За неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.